

УДК 392

Е.И. Тыликова¹, А.В. Бауло²¹*Краеведческий музей**пос. Овгорт, Шурышкарский р-н, Ямало-Ненецкий АО, 629643, Россия*²*Институт археологии и этнографии СО РАН**пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: baulo@mail.archaeology.nsc.ru*

ДРЕВНОСТИ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ В ФОНДАХ ОВГОРТСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Введение

В Сибири наряду с крупными окружными и региональными имеются небольшие краеведческие музеи, созданные на базе исторических кружков средних общеобразовательных школ. К таким учреждениям относится музей в пос. Овгорт Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа, созданный Еленой Ильиничной Тыликовой. Его украшением является замечательная коллекция древних бронзовых вещей, которые были обнаружены экспедицией школьников под руководством Е.И. Тыликовой в 1965 и 1985 гг. в поселках Евригорт и Хорпунгорт (места проживания сынской группы северных хантов), расположенных в верховьях р. Сыня (левый приток Оби).

* * *

В домашних святилищах хантов и манси в качестве культовых атрибутов нередко встречаются предметы древнего бронзолитейного производства – фигурки людей и животных. У обских угров найденная необычная вещь считается посланной свыше и автоматически включается в состав “святых” атрибутов, которые принято хранить в специальном сундуке в доме. Так, камень причудливой формы бережно заворачивают в тряпицу, шьют для него одежду, превращая в семейного духа-покровителя. По праздникам ему преподносят угощение – рыбу и водку. В бронзовых фигурках, найденных в обвалах берегов рек или в местах древних поселений, местный рыбак или охотник легко “опознает” суть послания свыше.

Так, в бронзовых фигурках медведя он видит наиболее почитаемого, священного зверя, гусь представляется птичей ипостасью младшего сына верховного бога *Нуми-Торума* – *Мир-сусне-хума / Мир-ванты-хэ*, необычный “ящур” – скорее всего, мифическим водяным змеем, фигурка воина – его изображением. Как домашним фетишам этим изображениям уготована разная судьба: они могут стать даром семейному духу-покровителю или сердцевиной фигуры домашнего божка, подвеской-оберегом на охотничье пояса или кожаной баxроме женского швейного мешка и т.п.

Бронзовые изображения всадников, бобров, птиц, пряжки с головами медведей встречались этнографам в домашних и на поселковых святилищах обских угров и ранее (материалы А.Ф. Теплоухова, С.И. Руденко, В.Н. Чернецова, И.Н. Гемуева и А.М. Сагалаева и других), но их немного, как немного и работ, посвященных данному вопросу [Теплоухов, 1947; Гемуев, Молодин, Сагалаев, 1984; Полосыма, Шумакова, 1991; Зыков и др., 1994]. Публикуемая ниже коллекция замечательна как по числу представленных экспонатов, так и по разнообразию запечатленных в них мифологических сюжетов. Дополнительную значимость находкам придает тот факт, что они были обнаружены на современных хантыйских святилищах.

Часть предметов, найденных на территории пос. Овгорт и переданных в другие музеи, была опубликована ранее (пластина в виде распластанной фигуры животного, навершие в форме головы оленя, бронзовые изображения медведя, пушного зверька, коней, пронизка с фигурой птицы [Сокровища Приобья, 1996, с. 53, 56, 68, 69]).

Описание коллекции

1. Бронзовая пластина полуовальной формы. Размеры 10 × 6,3 см (рис. 1). Таежное Приобье, VIII – X вв. Отлита в односторонней форме, наружная поверхность отполирована. На лицевой стороне пластины показана антропоморфная фигура с головой, увенчанной шлемом с надглазьями и наносьем. По бокам показаны зверьки с раскрытыми пастьями и трехпальмыми конечностями. Изображения зверьков украшены кантом из перлов и псевдовитым кантом. В верхней части пластины на оборотной стороне имеется петля для подвешивания.

Пластина была найдена в земле около дома шамана Пугурчина. По предположению местных жителей, на ней под маской изображена лягушка – “женщина, живущая среди кочек”. Ханты относили лягушку к священным животным – покровительницам женщин (ее помочь особенно была необходима при родах). Изображение лягушки (оберег от злых сил) подвешивали за петельку в чуме, где находилась роженица. Подобные амулеты помогали молодым девушкам отыскать жениха.

2. Пряжка (основная часть) с изображениями медведя и двух зайцев. Размеры 6 × 3,4 см (рис. 2). Таежное Приобье, X – XI вв. Отлита в односторонней форме, наружная поверхность отполирована, щиток слегка согнут вдоль оси. На лицевой стороне щитка в рамке, выполненной в виде псевдовитого канта, изображены головы медведя и фигуры двух зайцев.

Изображение медведя с головой, лежащей на лапах, издавна использовалось для оформления поясных застежек; в мансийском языке даже сохранилось одно из названий медведя – “застежечный зверь” [Чернцов, 1953, с. 227].

Пряжка была найдена среди вещей умершего шамана. Ранее она висела на его поясе в качестве оберега охотника. Центральное изображение (медведь) в соответствии с одним из эпитетов медведя у северных хантов “от ударов злых сил заслоняющий дух”, могло выполнять защитную функцию. Согласно другому эпитету – “изобилие зверей дающий дух” [Молданов, 1999, с. 23], медвежий образ был призван обеспечить удачу охотнику. По представлениям хантов, медведь в значительной мере определял успех промысла вообще. На Вахе считали, что он “посыпает” охотнику остальных зверей [Кулемзин, 1984, с. 85].

Этот фрагмент после потери второй части пряжки подвешивали за петельки во время церемонии жертвоприношения: обращаясь к ней, человек просил у родича-медведя помощи и удачи.

3. Бронзовое антропоморфное изображение. Размеры 11 × 3,2 см (рис. 3). Таежное Приобье, VIII – X вв. С лицевой стороны изображение зачищено, на оборотной стороне (в верхней части головы) имеет-

ся петля для подвешивания. Лицо с широкими скулами и миндалевидными (раскосыми) глазами, на голове – шлем (корона?), увенчанный тремя человеческими личинами. Из-под наплечных пластин, напоминающих крылья птицы, видны кисти рук, при этом большие пальцы почти соприкасаются друг с другом. Выделен признак пола. Нижние конечности завершаются двумя “пальцами”.

Фигурка найдена в золе костровища на поселковом культовом месте. Здесь она с давних пор использовалась в ритуальных церемониях при подготовке к охоте или при защите поселения.

Похожее изображение человека в шлеме (короне) с тремя человеческими личинами было обнаружено в 1985 г. на мансийском святилище *Полум-Торум-пыга* “Сына Пельмского Бога” около селения Верхне-Нильдино на р. Северная Сосьва. “Идол” показан с лицом полукруглой формы, маленьkim подбородком, ртом и усами. Руки скрещены на уровне пояса, большие и указательные пальцы вместе составляют треугольник (рис. 4) [Гемуев, Бауло, 1999, с. 109]. “Идол” являлся сердцевиной фигуры духа-покровителя. Возможно, к нему относилась информация А. Каннисто (начало XX в.) о том, что «в Нельдинске есть оловянный образ... ялпус ойки, “старика из священного города”. Его нашли в земле в деревне... и сохраняют теперь для одного пупыга (духа-помощника. – Авт.)» [Kannisto, 1958, S. 212].

Бронзовая личина (Верхнее Прикамье, VIII – IX вв.) с пятью головами птиц (?), напоминающими зубцы короны, известна среди образцов, выполненных в пермском зверином стиле [Оборин, Чагин, 1988, с. 129].

Шлем (корона), увенчанный тремя личинами, возможно, относится к кругу “трехрогих” головных уборов у воинов, изображения которых местные (уральские) мастера вырезали на привозных восточных серебряных изделиях. Как предполагал А.А. Спицын, подобным образом, показывая три высоких темени на голове или три уха на темени (речь идет о бляхе с Шайтанского мыса), обозначали особые дарования [1906, с. 31, 44]. В.Ю. Лещенко считал, что в “рогатых головных уборах” запечатлены шаманы, и относил эти рисунки на серебряных блюдах к IX – X вв. [1976, с. 178, 184]. А.И. Соловьев объясняет появление “трехрогих” головных уборов на бронзовых фигурах влиянием образов, представленных на предметах восточного серебра. В качестве примера он приводит изображения двух воинов в трехлучевых коронах на согдийской чаше, найденной близ д. Кулышаш. По мнению А.И. Соловьёва, “трехрогие” шлемы могли принадлежать военным предводителям [1987, с. 63 – 64]. Однако для объяснения трехголового навершия у фигуры из фондов Овгортского музея нам ближе мнение В.Н. Чернцова – подобным способом изображались многоголовые мифические лесные

Рис. 1. Бронзовая пластина с антропоморфной фигурой в окружении двух зверьков.

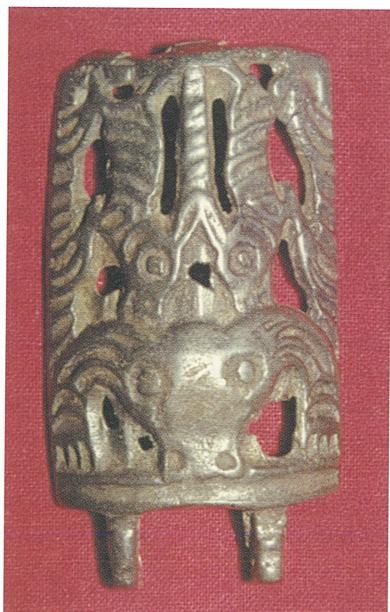

Рис. 2. Пряжка с изображением головы медведя и двух зайцев.

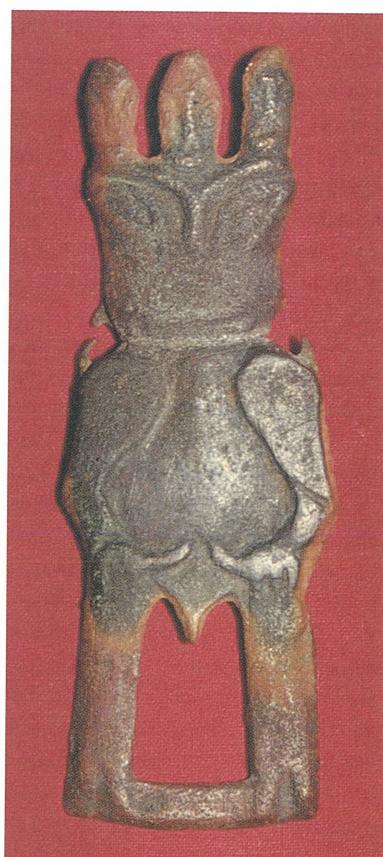

Рис. 3. Антропоморфная фигура в трехголовой короне.

Рис. 4. Бронзовая антропоморфная фигура из Верхне-Нильдино.

Рис. 5. Бронзовое литое изображение ящеровидного существа.

Рис. 6. Бронзовая подвеска в виде фигуры медведя.

духи менквы (менк-ики). По сведениям исследователя, в деревянной скульптуре хантов середины XX в. трехголовость менквов подчеркивалась трехзубым теменем [Чернецов, 1957, с. 190].

4. Бронзовое литое изображение ящеровидного существа с усеченной головой, плотным туловищем, четырьмя лапами, хвостом бобра. По спине проходит кант из перлов. Сразу за головой ящера выполнена личина человека. Размеры 12 × 2,1 см (рис. 5). Таежное Приобье, VIII – X вв.

Найдено под остатками старого лабаза, в котором хранились лапа и череп медведя. Подобные фигурки преподносили в дар медведю во время праздника.

5. Бронзовая подвеска в виде фигуры медведя. Размеры 6 × 4,2 см (рис. 6). Таежное Приобье, VII – IX вв. Изделие отлито в объемной двусторонней форме с сердечником (металл заливали со стороны головы зверя), отполировано. В основании имеется широкое овальное, в спине зверя – круглое отверстие. Реалистично показанное животное с характерным мощным загривком, когтистыми лапами, торчащими маленькими ушками. Его передние лапы и часть спины украшены кантом из перлов. Глаза переданы полу-круглыми углублениями с выпуклым кружком посередине. Одна из аналогичных подвесок (“из Тобольской губернии”) была опубликована А.А. Спицыным [1906, рис. 368], другая (из Овгорта) хранится в фондах Ямalo-Ненецкого окружного краеведческого музея в Салехарде [Сокровища Приобья, 1996, с. 56]. В середине XIX в. М.А. Кастрен видел у обдорских осяков маленькие изображения медведя, выпитые из меди и “чествуемые как кумиры”. По преданию, эти фигурки попали на Север очень давно от “Пермяков и Зырян” [Кастрен, 1860, с. 189].

В наши дни подобные подвески хранят в женском швейном мешке (*тутчан*). Их вынимают и подвешивают в особом месте чума или дома, когда требуются помочь больному, заступничество или удача на охоте.

6. Бронзовая подвеска в виде фигурки тетерева (?). Размеры 6 × 2,8 см (рис. 7). Таежное Приобье, VIII – X вв. Отлита в объемной двусторонней форме с сердечником, поверхность отполирована. Крылья показаны плавными бороздками, круглые глаза обведены же-лобком, хвост заострен, на спине имеется отверстие.

Фигурка использовалась как оберег, ее подвешивали к люльке с ребенком: считалось, что птица оберегает его сон. В представлениях манси, третья душа человека имеет вид глухарки и прилетает к человеку лишь во время сна. Когда эта душа улетает, человек не спит. Чтобы дети лучше спали, на спинке дневной люльки против затылка ребенка вырезали изображение тетерева [Чернецов, 1959, с. 134]. Ханты с р. Кунноват полагают, что после смерти одна из душ человека в облике глухарки улетает в лес [Головнев, 1995, с. 557].

В 1951 г. сотрудниками Эрмитажа в пос. Ямгорт у сынских хантов было приобретено блюдо с изображением царя на троне (рубеж X – XI вв.). На его оборотной стороне вырезаны четыре птицы, напоминающие тетеревов [Лещенко, 1976, с. 185, 187].

7. Бронзовая подвеска. Размеры 7,4 × 7,2 см (рис. 8). Таежное Приобье, XI – XII вв. Отлита в двусторонней форме с сердечником, отполирована. Изображены крупная водоплавающая птица и упирающийся в ее грудь пушной зверек. На спине птицы имеется петелька для подвешивания.

Наиболее близкие аналогии – фигурука “с территории быв. Тобольской губернии” [Чернецов, 1957, табл. XVIII, 12] и бронзовое навершие (?), найденное в Сайгатинском IV могильнике [Зыков и др., 1994, кат. 117].

По сведениями информаторов, описываемая фигурука в последние годы использовалась шаманом во время камлания: он разговаривал с птицей и зверьком, просил их жить в мире и помогать человеку.

8. Бронзовое птицевидное изображение, отлитое в плоской односторонней форме. Размеры 14,5 × 13 см (рис. 9). Таежное Приобье, середина I тыс. н.э. Фигуру венчает заостренная голова, крылья распахнуты в стороны. Голова и шея по контуру обведены углубленным зигзагом. Глаза переданы овалами, рот – углублением, “уши” – петельками. Показана тянущаяся от подбородка вниз “линия жизни” (?). На правом (от зрителя) крыле птицы – изображение двух лосиных голов, на левом – птица и две рыбы. На оборотной стороне имеется петля для подвешивания.

Наиболее близкий аналог – бронзовое птицевидное изображение, найденное на ст. Ягельное в Западной Сибири [Там же, кат. 44]. Подобные фигуры вырезаны на ряде предметов восточного серебра, найденных в Приуралье и Прикамье [Лещенко, 1976, с. 180, рис. 20, а; с. 181, рис. 21, б; с. 183, рис. 26, а]. В.Ю. Лещенко считал их изображениями шаманских душ – главных исполнителей воли шаманов у народов Западной Сибири [Там же, с. 185]. Птицевидную фигуру на блюде из д. Слудки А.А. Спицын интерпретировал как “символ неба”, находящийся между “крылатым солнцем” и “лучистой луной” [1906, с. 31]. По мнению А.И. Соловьёва, это птичка *Мир-сусне-хума – рейтарнан-уйриц*, возвращающая о смене дня и ночи, она внушительных размеров, в “шлеме” (примета времени) и запечатлена между солнцем (символ дня) и луной (символ ночи) [Гемуев, Сагалаев, Соловьёв, 1989, с. 102].

На наш взгляд, упомянутые птицевидные изображения представляют популярную в обско-угорском и са-модийском фольклоре мифическую хищную птицу “ги-гантской величины, имеющую человекоподобную го-лову” – Крылатого (небесного) Карса. Согласно сказаниям селькупов, огромная птица живет на священном дереве, на котором растут также солнце и луна

Рис. 7. Бронзовая подвеска в виде фигурки тетерева (?).

Рис. 8. Бронзовая подвеска в виде птицы и пушного зверька.

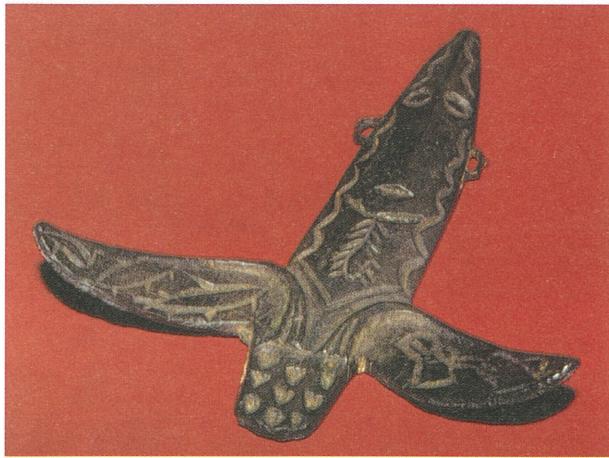

Рис. 9. Бронзовое птицевидное изображение.

[Чернечев, 1947, с. 116 – 117]. На блюде из д. Слудки высоко в небе между луной и солнцем, скорее всего, показан Карп, а не *рейтарнан-уйриц* (рис. 10).

Ханты, хранившие подвеску в последнее время, полагают, что на ней изображен крылатый герой – помощник человека. Фигурка, завернутая в тряпицу, хранилась в сундуке на “священной” полке в доме. При необходимости ее подвешивали около чувала или костра и обращались с просьбой содействия в удачной охоте или рыбной ловле. В определенное время “крылатому” богатырю приносили дары, кропили каплями крови жертвенного оленя.

Необходимо отметить, что “крылатые” божества выступали в роли предков-покровителей населения многих поселков Нижнего Приобья. Лишь когда “кончилось время Крылатых богов, наступило время человека, время хантов” [Неттина-Лапина, 1999, с. 37].

9. Подвеска в виде двух соединенных между собой змееподобных фигурок. Бронза, литье. Размеры 7,8 × 2,8 см (рис. 11). Западная Сибирь, первая половина

Рис. 10. Поздние гравировки на блюде из Слудки (проросовка).

Рис. 11. Подвеска в виде двух соединенных фигурок змееподобного вида.

Рис. 12. Бронзовое литое изображение стоящего человека с двумя животными.

Рис. 13. Рукоять кинжала.

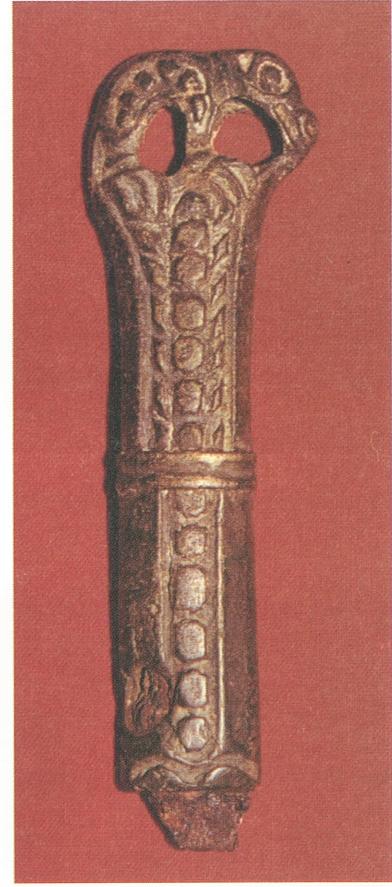

Рис. 14. Рукоятка ножа.

Рис. 15. Навершие посоха.

Рис. 16. Бронзовое изображение животного (лось?).

I тыс. н.э. (?). Вытянутые тела расчленены выпуклыми поперечными валиками. На оборотной стороне каждой фигурки имеется по две петельки.

Известно, что некоторых животных (змеи, ящерицы, ящеры, черви), способных проникать под землю, ханты считали священными. Их боялись, старались не

брать в руки, тем более убивать, поскольку они могли принести в дом несчастье. Уберечься от этих животных старались с помощью оберегов с изображением "чудовищ". Возможно, впрочем, что уральский мастер отлил фигурки *lili sossəl* – водяных чудовищ, представлявшихся обским уграм в виде змей или

ящеров. В мифе о Крылатом Карсе чета этих птиц живет в гнезде на вершине лиственницы. В окружающей ее воде живут *liliy sossəl*. Они враждебны Карсу и уничтожают его, если он падает в воду [Чернечев, 1947, с. 117].

10. Бронзовое литое изображение стоящего человека с двумя животными. Размер $11,2 \times 3,4$ см (рис. 12). Таежное Приобье, VIII – X вв. Изделие при отливке раскололось на две части, литник не убран. Поверхность отполирована. Человек показан в шлеме с наноснем и надглазьями, возможно, в лицевой маске. Руки скрещены на поясе. Пасти животных разинуты. На обратной стороне фигурки в районе головы имеется петелька для подвешивания.

11. Рукоять кинжала. Бронза, литье. Размеры $17 \times 6,8$ см (рис. 13). Таежное Приобье, VIII – X вв. Рукоять овальная в сечении, поверхность отполирована. Нижняя часть украшена зигзагом и кантом из прямоугольных перлов, заключенным между двумя выпуклыми линиями; подобный кант украшает середину рукояти. Навершие выполнено в виде трех лепестков: боковые гладкие, средний покрыт четырьмя выпуклыми кружками, составленными по вертикали и обведенными псевдовитым кантом. На лепестках стоит мифическое животное – хищная птица со звероподобной головой; ее крылья и хвост украшены круглыми перлами.

По размерам это одна из самых крупных рукоятей, встреченных на территории Западной Сибири. Рукояти меньших размеров, увенчанные изображениями животных и птиц, обнаружены в ряде районов Таежного Приобья [Зыков и др., 1994, кат. 106 – 111; Сокровища Приобья, 1996, с. 59 – 63; и др.].

12. Рукоятка ножа. Бронза, литье. Размеры $11,3 \times 3,3$ см (рис. 14). Таежное Приобье, VIII – X вв. Поверхность отполирована. Рукоятка украшена кантом из перлов, разделенным посередине двумя выпуклыми линиями. Изделие увенчано фигуркой хищного четвероногого зверька с головой птицы.

13. Навершие посоха. Бронза, литье. Размеры $8,9 \times 2,9$ см (рис. 15). Состоит из круглой втулки и рукояти, один конец которой загнут в виде крючка, а в торцевой части другой – изображение лица человека, обрамленное насечками.

Определить место и дату изготовления навершия посоха трудно. Антропоморфная личина стилистически близка овальной, заключенной в жемчужный кант личине на бронзовой подвеске, найденной на могильнике Релка в Среднем Приобье [Чиндина, 1977, с. 45, рис. 34, 10].

Навершие было частью деревянного посоха, который использовался сынскими хантами во время ритуальных обрядов.

14. Бронзовое изображение животного (лось?). Размеры $10,3 \times 6,5$ см (рис. 16). Случайная находка из Нижнего Приобья, конец I тыс. н.э. (?) Изделие

отлито в объемной двусторонней форме, в районах спины и головы имеются отверстия. Вытянутая голова отличается крупными ноздрями и короткими ушами. Двупальные ноги опираются на полукруглую подставку, разделанную глубокими бороздками; хвост раздвоен, внутри – шар.

Использование бронзовых фигур в древности

Итак, мы не только познакомились с новой коллекцией древней бронзы, но и смогли почерпнуть некоторые сведения о сфере ее применения в религиозно-обрядовой практике северных хантов на протяжении XX в.

В значительной степени дискуссионным остается вопрос о способах использования предметов западносибирского бронзового литья в древности. Исследователи относили большинство образцов к украшениям одежды или оружия, призванным воздействовать на эмоционально-эстетическое восприятие зрителей (В.Н. Чернечев и В.И. Мошинская); исключение составляли антропоморфные изображения, которые практически никогда не служили украшениями и не являлись принадлежностью костюма (Н.В. Фёдорова) [Зыков и др., 1994, с. 35 – 41].

Что касается вещей обсуждаемой коллекции, то с уверенностью можно говорить о функциональном (и ритуальном) назначении лишь пряжки, навершии посоха, рукоятках ножа и кинжала. Назначение еще шести предметов с петельками для подвешивания и четырех изделий, имеющих сквозное отверстие в спине (т.н. пронизки), определить пока трудно. Как же они могли использоваться?

Размышляя о художественном содержании кулайского “плоского” литья, А.И. Соловьев высказал мнение о возможности существования у жителей Таежного Приобья традиции делать декорации, своего рода “мобильные алтари”, которые в нужное время можно было установить в необходимом месте и разыгрывать перед ними магические действия. На такие ширмы, выполненные из кожи, бересты или ткани, в определенной последовательности могли нашиваться бронзовые фигурки [Соловьев, 1998, с. 348 – 349]. В этом качестве могли использоваться вещи более поздней эпохи, к которым относится большинство экспонатов Овгортского музея. Представляется возможным также предположить, в какой именно последовательности сибирские жрецы развешивали на ширмах культовое литье.

Еще А.А. Спицыным при публикации находок Истяцкого клада было замечено, что литые фигуры и гравированные изображения на дисках, обнаруженные в составе клада, повторяют друг друга [1906, с. 33]. А.П. Зыковым и Н.В. Фёдоровой, занимающимися вопросом о распространении воинских изображений в

древнем искусстве Западной Сибири, было отмечено, что при единстве изобразительной манеры и реалий в Западной Сибири представлены в основном литые изображения, а в Верхнем Прикамье – гравированные [1992, с. 45]. Таким образом, схемы размещения фигурок на “ширмах” и вырезанных мифических рисунках на призывных восточных блюдах совпадали. Поверхности блюд являлись исконной “доской”, на которую предки хантов и манси наносили собственные иконографические сюжеты. Нас не должен смущать вопрос, например, о том, почему на блюдах выгравировано в одном случае пять, в другом семь и более фигур в “трехрогих шлемах” с саблями в руках. Одним из вариантов ответа может быть сообщение М.А. Кастреня о бытовавших в середине XIX в. плясках с саблями у северных хантов: “Я слышал, что торжество это сопровождается десять ночей кряду... Пляска с оружием в руках выполняется перед идолами в первую ночь одним шаманом, во вторую – двумя остяками, в третью – тремя и т.д. в той же прогрессии до последней ночи, в которую в ней участвуют все, даже и женщины” [1860, с. 188]. Имея некий набор бронзовых изображений мифологических персонажей, жрец при отправлении обряда мог навешивать их на ширму в нужном порядке. Ритуальные ножи и кинжалы с рукоятями, украшенными изображениями зверей и птиц, могли на данной церемонии использоваться при заклании жертвенного животного.

В контексте же современной этнографической практики следует признать, что обнаруженные на святилищах изделия древнего литьевого производства осмысливались северными хантами и манси в рамках тех же понятий и представлений, которыми оперировали их далекие предки, что свидетельствует, безусловно, об устойчивости религиозного мировоззрения и обрядовой практики обских угров на протяжении последнего тысячелетия.

Благодарности

Информация об использовании древних артефактов в современной обрядности сибирских хантов получена от С.Г. Еприня, Д.С. Еприной и П.Н. Лонгортова. Фотографии выполнены Э. Рутткай (Венгрия). Описание ряда экспонатов, определение места производства и их датировка даны Н.В. Фёдоровой (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург). Авторы статьи выражают им всем глубокую признательность.

Список литературы

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – 240 с.

Гемуев И.Н., Молодин В.И., Сагалаев А.М. Древняя бронза в обрядности манси // Проблемы реконструкций

в этнографии. – Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1984. – С. 62 – 80.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьёв А.И. Легенды и были таежного края. – Новосибирск: Наука, 1989. – 175 с.

Головинев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.

Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Воинские сюжеты в древнем искусстве Западной Сибири // Сибирские чтения. – СПб.: МАЭ РАН, 1992. – С. 44 – 46.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие: (Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета). – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.

Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, северной России и Сибири (1838 – 1844, 1845 – 1849) // Магазин землеведения и путешествий. – М., 1860. – Т. 6, ч. 2. – 436 с.

Кулемзин В.М. Человек и природа в всеворониях хантов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 192 с.

Лещенко В.Ю. Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В.П. Художественный металл Востока. – М.; Л.: Наука, 1976. – С. 176 – 188.

Молданов Т.А. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – 141 с.

Неттина-Лапина М.А. Фольклор Тэк ех. – СПб.: Алфавит, 1999. – 88 с.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 1988. – 184 с.

Полосыма́к Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. – Новосибирск: Наука, 1991. – 91 с.

Соловьёв А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.

Соловьёв А.И. К вопросу о художественном содержании кулайского “плоского” литья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 344 – 350.

Сокровища Приобья. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – 228 с.

Спицын А.А. Шаманские изображения // Зап. Отд-ния рус. и славян. археологии Имп. Рус. археол. об-ва. – 1906. – Т. 8, вып. 1. – С. 29 – 145.

Теплоухов А.Ф. О древнем шаманском изображении из бронзы, бытовавшем на Конде среди ногул и остяков // СА. – 1947. – Вып. 9. – С. 239 – 248.

Чернцов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Нов. сер. – 1947. – Т. 1. – С. 113 – 134.

Чернцов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. – 1953. – № 35. – С. 221 – 241.

Чернцов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. – 1957. – № 58. – С. 136 – 246.

Чернцов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ. Нов. сер. – 1959. – Т. 51 – С. 116 – 156.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977. – 194 с.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOU. – 1958. – Vol. 113. – 444 S.